

10. Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. М., 1991.

11. Библейская энциклопедия. Репринт. изд. М., 1990.

12. Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. Клин, 2003. С. 299.

Lyrical portrait traits in the stories by I.A. Bunin "Renunciation Night", "Prelate"

I.A. Bunin remains to be a poet in the prose writing that is no more an opening for the researchers. His prosaic texts are of lyrical origin. There are revealed the peculiarities of the lyrical portrait created by I.A. Bunin and in the small prose, in particular in the stories "Renunciation Night" and "Prelate".

Key words: *lyrical portrait, landscape, sound component, folk motives of singing and crying, icon.*

Н.П. КРОХИНА
(Шуя)

АРХЕТИП СОЛНЦА В ТВОРЧЕСТВЕ К.Д. БАЛЬМОНТА*

Раскрываются солярные первоисток творчества К.Бальмонта и важнейшие аспекты солнечного понимания вещей в его творчестве: солнечная мудрость всеединства, детское таинство мировой евхаристии и связь образов ребёнка и цветка с евангельским христианством.

Ключевые слова: *архетип солнца и детства, солнечный человек, солнечная мудрость всеединства, солнечная пряжа, образ цветка.*

У каждого поэта есть свой основополагающий архетипический прасимвол: снежная стихия у А.Блока, земля у С.Есенина, ночь у Ф.Тютчева, дождь и гроза у Б.Пастернака. У Бальмонта с его заветом «Будем как солнце», называвшего себя «пламенником» («Сонеты солнца, мёда и луны») и «солнечником» («Светослужение»), – это прежде всего образ солнца, солнечной силы, солнечного пути. А. Ханзен-

* Статья выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

Лёве, описывая систему поэтических мотивов русского символизма, выявляет в нём две тенденции: лунный мир эстетизма и вместе с ним – раздвоение, холод, пустота, декаданс и солярный мир панэстетизма – поиск синтеза всех полярностей, огонь, луч, тепло, жизнь, озарение, полнота мира [12, с. 46 – 47]. Бальмонт, бесспорно, является самым солярным поэтом Серебряного века. В этом солнечном качестве заключалась необычность его поэзии для современников, о чём немало писали, особенно после 1917 г. Так, С.Н. Дурылин в дневнике 1930 – 1931 гг. записывает: «Бальмонт весь соткан из яркого искусственного шёлка», противопоставляя его «многострадальному» Блоку [9, с. 797]. Или А.Седых, говоря об одиночестве поэта, утверждал: «Жил он в каком-то странном, выдуманном им мире музыки и ритма, среди друидов, языческих богов, в мире колдовства, солнца и огненных заклинаний, в пышном и несколько искусственном нагромождении красок и звуков» [11, с. 39]. Для эпохи, провозгласившей «победу над солнцем» (название футуристической оперы 1913 г.), лучшим символом которой стал «Чёрный квадрат» К. Малевича, солярная поэзия Бальмонта казалась слишком искусственной.

И сам поэт в своём «четверогласии стихий» всегда подчёркивал доминанту солнечного начала. В автобиографическом романе «Под новым серпом» он вспоминает своё вхождение в русскую поэзию: «В последнее десятилетие изношенного века... ослепительно-звонко и освобождающее-свежо зазвучал молодой голос Георгия Гиреева, юного поэта, нашего в глубине своей хотящей души... новый зазывчивый стих, поющий о смелости, о воле, о счастье, пронизанный солнцем..., победный стих», стремящийся «в час мирового причастия души... постичь в безграничном разнообразии связующее единое» [5, с. 388]. Открывшийся поэту путь Солнца приобщал к мировому целому, что стало проблематичным для человека европейской культуры. Недаром, по мысли Бальмонта, «в огромном большинстве поэты являются певцами боли, утраты и смерти, а не певцами жизни, утра и достижения» [1, с. 522]. Себя Бальмонт ощущал поэтом радости и жизни. В книге очерков о Мексике «Змеиные цветы» (1910) Бальмонт писал: «Я – весенний солнечный луч..., нежный лютик..., смешинка на лице ребёнка» [3, с. 49]. Все смыслы и образы поэзии Бальмонта сходятся к его солярному первоистоку. Рассмотр-

**ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX в.**

рим важнейшие аспекты солнечного понимания вещей в творчестве Бальмонта.

Солнечный человек – это изначальный человек с его цельностью и причастностью первозданным стихиям. Потому поэта так влекли страны солнцепоклонников – Египет, Мексика, Индия, Япония, которым он посвятил не только стихи, но и книги путевых очерков, а также культура майя. В книге «Край Озириса» (1914) он с любовью пересказывал египетские мифологические предания и переводил древнеегипетскую лирику, в «Змеиных цветах» (1910) – космогонию майя, священную книгу «Пополь-Вух». В своём погружении в древность Бальмонт близок позиции П. Гогена, уехавшего жить и работать на Таити: «Запад прогнал в настоящее время, но всё, что есть в нём мощного, может, как Антей, обрести новые силы, прикоснувшись к земле Востока» [8; с. 56]. Недаром рубеж XIX – XX вв. – время рождения культурной антропологии, мощного интереса к древним культурам в их своеобразии. И к этому процессу в нашей литературоцентричной культуре причастны прежде всего поэты и художники Серебряного века: К. Бальмонт, М. Волошин, Н. Рерих. Новых сил в обращении к солнечной древности искал и Бальмонт, писавший в путевых заметках из Мексики: «Я сам чувствую в себе неиссякаемую юность... Я становлюсь веселей и светлей с каждым шагом» [3, с. 49]. Современному человеку, «мелкому и суетному», Бальмонт противопоставляет человека первобытного, «себя ощущавшего в ритме Вселенной», стремившегося «коснуться вечного, коснуться божеского». Древние люди – «дети Солнца» [4, с. 58, 36]. «В какую страну ни пойдешь, услышишь хвалы Солнцу... Говоря о Солнце, становишься певучим и светлым» (Там же, с. 26). Сохраняя эту древнюю солнечную силу, поэзия Бальмонта обретает так свойственную ей певучесть и музыкальность.

В обращении к древнему солярному культу поэт постигал солнечную мудрость всеединства. В солярном культе земля и небо неразлучны. Недаром народы-солнцепоклонники строили пирамиды – это «огненная молитва, устремлённая к Небу» (Там же, с. 66). И Бальмонт всю жизнь искал мост между землей и небом, известный древнему человеку. Солнце – творящее начало, строящее из хаоса гармонию. Солнце – «гений превращений» [6, с. 7]. Как существо совершенное, солнечный бог – андрогин. Наряду с мужскими ликами у него есть и женские – заря и луна. Солнце умирает каждый день и каждый день воскресает, подтверждая египетскую мысль о бессмертии и веру в жизнь бесконечную. Солнечная творящая сила порождает бальмонтровский культ красоты и расширяющийся вселенский круг

любви. «Солнце говорит – утром, пробуждением, бабочкой, птичкой, зверем, травинкой... – всё вижу, всё слышу, всё люблю, ко всему прикипаю, я, творимый творец творящего творения» [6, с. 8]. Потому в бальмонтской поэзии с её чувством цельности мира, певучести и живописности каждой части в гармонии целого так важен образ солнечных нитей, солнечной пряжи – мировой ткани, что и порождает итоговые бальмонтские «Сонеты солнца, мёда и луны»:

*Склонившись, китаянка молодая
Любовно ткёт узорчатый ковёр.
На нём Земли и Неба разговор...*

Самым зримым воплощением этого разговора Земли и Неба в поэзии Бальмонта является образ цветка. Само солнце для Бальмонта может быть уподоблено огромному небесному цветку, который может быть и красным, и золотым, и голубым.

Сидеть века и пить душистый чай.

Когда передо мною китаянка,

Весь мир вокруг – один цветочный рай [7, с. 62].

И свою поэзию поэт уподоблял золотым и серебряным коврам. Солнечная сила порождает многоцветие бальмонтской поэзии, воплощая в себе все её главные яркие краски: огненное начало, золото и даже голубой. В «Голубом сне» поэта, сочетающем небо с землёй, голубизна земных цветов – незабудок, васильков, цветущего льна, переливаясь в голубизну волны, течёт в небесную лазурь, и по небу плывёт голубое солнце (Там же, с. 53).

«Поэт открыт душою миру, а мир наш – солнечный... каждый миг создаётся солнечная пряжа», связующая безграничное разнообразие мира в единое целое. «И кто открыт миру, тот, всматриваясь... в несчётные сочетания линий и красок, всегда будет иметь в своём распоряжении солнечные нити и сумеет соткать золотые и серебряные ковры» [2, с. 219]. Солнечные нити, солнечная пряжа – это и есть пронизанность мира красотой и любовью. Радостное чувство бытия переполняет бальмонтскую поэзию. И этот онтологизм роднит его с подобным ощущением сквозной ткани существования в поэзии Б. Пастернака (только ткущейся прежде всего дождевыми нитями), а «мёд веков» – с ещё более густой медвяностью поэзии Вяч. Иванова. Солнечная мудрость всеединства пронизывает поэзию Бальмонта.

Лирический герой поэзии Бальмонта черпает свою солнечную силу не только в детстве человечества, но и в собственном детстве. Не случайно у Бальмонта так много стихов, обращённых к детям. Как и психология того времени, поэт соединяет онто- и филогенез. Он на

всю жизнь остаётся верен своей первой любви: «Моя первая любовь – деревня, усадьба, где я родился и вырос. Моя первая любовь – насыщенное Солнцем весеннее утро, и я сам, лет четырёх, сидящий на родном балконе и любующийся душистыми кустами лиловой и белой сирени». В этом утра спрессовались века стабильной усадебной жизни. «Душа моя всю жизнь питалась... тем первым утром, той первой любовью – выросшей из этого бессмертного утра способностью любить мир и живые существа и знать... что любоваться красотой – творить Дело Божие» [2, с. 261]. В это весеннее утро поэту раскрылась тайна детства – «беспрерывная тайна причастия» миру. «И этот свет Мировой Евхаристии пережившему счастливое детство светит потом всю жизнь», – писал поэт в романе «Под новым серпом» [5, с. 246]. Потому, объехав весь мир, Бальмонт так страстно хотел бы вернуться на родину: «Если бы у меня была свобода выбора, я поселился бы опять в родной глуши или на берегу Океана» [2, с. 262]. С этой памятью о детском весеннем утра в творчество Бальмонта, казалось бы, язычника, ненавязчиво входит христианская тема. Как справедливо отмечает В.Макаров, «Бальмонт как дитя дostoевской эпохи, отличался от великих своих европейских и иных учителей и кумиров: в нём жила вера», глубинное чувство, не всегда осознанное [10, с. 13]. Тайнство мировой евхаристии открывало Бальмонту мир просветлённым и преображённым. Солнце – символ божественного света. Христианский космизм определяет творчество Бальмонта. «Я хочу, чтобы храм, в который я вхожу, был залит лучами Солнца и весь горел цветами» [3, с. 50]. Чувство софийности, храмовости мира определяет светлый строй поэзии Бальмонта.

«Поэт – цветок» для Бальмонта [2, с. 219], отражение солнечной силы. Столь любимые Бальмонтом образы ребёнка и цветка вели его к евангельскому христианству, к размышлениям о котором он не однажды возвращался в путевых заметках и статьях. «Я не могу победить в себе желания быть кротким и смиренным... Я понял красоту Христа», он «помогает любить цветы и птиц» [3, с. 50]. «Евангельская повесть, напоённая словами любви и нежным духом полевых лилий» [5, с. 376] – одна из самых любимых книг Бальмонта наряду с Ведами и Авестой. «Распятие заслонило другую красоту и правду Христа. Я вижу Его идущим с детьми и говорящим о цветах и птицах... Он говорил слова, на веки веков сияющие радостью и жизнью» (Там же, с. 377). Бальмонту близки слова позднего О. Уайльда о Христе: «Он при-

надлежал к поэтам... И вся жизнь его – чудеснейшая поэма... Жизнь человеческая ценится как жизнь цветка». И он соглашается с мыслью Уайльда, что наибольшим приближением к Христу был Франциск Ассизский. И готов согласиться с Ницше, что «христианство умерло с Христом – на кресте» [1, с. 573].

Не однажды Бальмонт критиковал свою «тусклую, раздробленную и некрасивую современность» (Там же, с. 504), уносясь вольной птицей в иные времена, в иные страны. Не однажды он критиковал европейскую мысль о «единичности жизни и несвязанности человеческой судьбы с Мировым Узором» (Там же, с. 583). Осмысля наследие древних культур, прежде всего восхищаясь индийским умом, постигшим «связь бесконечно-малого с Бесконечно-Великим» (Там же, с. 506), Бальмонт верил в путь Солнца: «Ткань жизни неистошима... Не теряя тождественности своего истинного внутреннего “я”, мы... воплощаемся много раз и постоянно проходим различные ступени великой восходящей Лестницы, ведущей нас к нескончаемой Гармонии» (Там же, с. 504, 583). Перед красотой и под лучом любви в человеке просыпается высшее, божественное начало. Эти высшие мгновения не раз переживал и Бальмонт в своём приобщении к мировому целому: «Я чувствовал слитность Неба и Земли, великую радость бытия» (Там же, с. 619).

Перспектива человека уходит в бесконечность. В солнечном человеке Бальмонта осуществляется соловьёвская идея Богочеловечества. Мировая воля, по мысли Бальмонта, дала нам «два взаимодополняющие образца высочайшей правды, предельного человеческого совершенства, достигающего Божественности»: Голгофу Христа и мирную кончину Будды [5, с. 378], распятие и благовестие радости и гармонии с миром. Жизнь и творчество поэта-солнечника всегда были обращены к этим образцам.

Литература

1. Бальмонт К.Д. Белые зарницы: Мысли и впечатления // Собр. соч. : в 7 т. М. : Книговек, 2010. Т. 6.
2. Бальмонт К.Д. Где мой дом? Очерки 1920 – 1923 // Собр. соч. : в 7 т. М. : Книговек, 2010. Т. 6.
3. Бальмонт К.Д. Змеинные цветы. М. : Скорпион, 1910.
4. Бальмонт К.Д. Край Озириса // Собр. соч. : в 7 т. М. : Книговек, 2010. Т. 6.
5. Бальмонт К.Д. Под новым серпом : роман // Собр. соч. : в 7 т. М. : Книговек, 2010. Т. 5.
6. Бальмонт К.Д. Солнечная сила // Будем как солнце. Книга символов. Иваново, 2008.

7. Бальмонт К.Д. Сонеты солнца, мёда и луны // Собр. соч. : в 7 т. М. : Книговек, 2010. Т. 6.
8. Гоген П. Письмо 1889 г. // Письма. Ноа-Ноа. Л., 1972.
9. Дурьлин С.Н. В своём углу. М., 2006.
10. Макаров В. Крылан (Поэзия как волшебство) // Собр. соч. : в 7 т. М. : Книговек, 2010. Т. 1. С. 5 – 18.
11. Седых А. Бальмонт // Русский Нью-Йорк. Антология «Нового Журнала». М. : Рус. путь, 2002.
12. Ханзен-Лёве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999.

Archetype of Sun in K.D.Balmont's works

There are revealed the solar primary sources of K.D.Balmont's works and the main aspects of sun comprehension of things in his creative work: sun wisdom, child's sacrament of world oblation and the connection of child's and flower's images with gospel Christianity.

Key words: *archetype of sun and childhood, sun man, sun wisdom, sun yarn, image of flower.*

Е.Ю. КУЛИКОВА
(Новосибирск)

«МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ» Ф. ВИЙОНА В ПОЭТИЧЕСКОМ МИФЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Рассматривается мотив «моления о чаше» в лирике О.Мандельштама, связанный, в первую очередь, с осмыслением судьбы и творчества Ф.Вийона. Описано создание Мандельштамом поэтического мифа о Вийоне. Отмечены переключки мотива «моления о чаше» с мотивами стихотворений Б.Пастернака «Гефсиманский сад» и «Гамлет» и романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита».

Ключевые слова: *поэтический миф, мотив, интерпретация, кубок, чаша.*

Многие исследователи отмечают «включенность» О.Мандельштама в фигуру французского поэта Ф.Вийона – Виллона, как его называл Мандельштам. В комментариях к

статье Мандельштама «Франсуа Виллон» Л.Я.Гинзбург пишет, что Вийон был «вечным спутником» Мандельштама... Жизнь и судьба Вийона, парадоксально преломившие тенденции культуры своего века, были предметом размышлений и высказываний Мандельштама до последних лет его жизни [7, с. 332]. Д.И. Черашняя подчеркивает, что Мандельштам «ощущает человечески-телесно... “любимца кровного” (Франсуа Виллона)» [11, с. 263]. Обратим внимание на одну любопытную деталь. Ф.Вийон был членом известной шайки разбойников “la Coquille” (Мандельштам упоминает об этом в своем эссе), что в переводе с французского означает «Раковина». Свой сборник стихов «Камень» Мандельштам первоначально планировал назвать именно «Раковина». Конечно, не будем впрямую обосновывать это влиянием Вийона, отметим лишь «странное сближение», странное «сплетенье судеб». В стихотворении «Чтоб, приятель и ветра и капель...» Мандельштам скажет о Вийоне:

*Размотавший на два завещанья
Слабовольных имуществ клубок
И в прощанье, отдав, в верещанье
Мир, который как череп глубок* [8, с. 251].

Череп здесь представлен как некий сосуд (кубок, чаша), вмещающий мир поэта, его творчество, два завещания Вийона – Большое и Малое (“Petit Testament” и “Grand Testament”). В то же время он служит своеобразной мерой, оценкой мирового наследия французского поэта. Череп глубок как разум человеческий. Так включаются прямое понимание «вмещающего» (череп, кубок, сосуд) и метонимическое – «вместимого» (разум, жизненная энергия, наследие поэта, его творчество). В «пучок смысла», который содержит в себе слово «череп», входит и значение «кубок», который в творчестве Мандельштама превращается в чашу судьбы и рока. Не случайно в последней строфе стихотворения поэт пишет о Вийоне:

*Он разбойник небесного клира,
Рядом с ним не зорно сидеть:
И пред самой кончиною мира
Будут жаворонки звенеть* (Там же, с. 251).

В романе «Баллада судьбы» В.Варжапетян тоже сравнивает Вийона с Христом: «Брошенные с балкона розы зацепились шипами за рукав изодранного грязного камзола, но непрочно и на лестнице упали. Впрочем, тот, кому добрая рука предназначала букет, все равно